Вопреки ожиданиям (1)

— Но почему? — Сунь И Линь все еще спрашивал, не желая сдаваться.

— Похоже, ты в этом убежден, — Ли Хун Юань поиграл с чаркой вина, глядя на Сунь И Линя с двусмысленной улыбкой, после чего поставил посуду на стол и слегка постучал по нему пальцами.

Встреча с этим живым Янь-ваном, который полностью отказывается идти по нормальному пути, действительно была довольно утомительной. Сунь И Линь наклонился и налил ему еще вина, прежде чем снова сесть. Возможно, потому, что ему не хватало сил, его осанка уже не казалась такой прямой по сравнению с прежней, более того, он даже казался несколько подавленным.

Ли Хун Юань повернул голову в сторону, чтобы посмотреть на стоявшую невдалеке Цзин Вань. Да, верно, в его глазах важна только она одна. Люди вокруг Цзин Вань были полностью им проигнорированы.

— Ты не хочешь, чтобы Сунь И Цзя вышла замуж за этого принца. Прекрасно, так уж вышло, что я тоже не хочу жениться на ней.

— Что теперь ваше высочество хочет сделать? Младшая сестра уже в таком положении, прошу вас, пожалуйста, смилуйтесь, — возможно, потому, что он знал, что излишняя эмоциональность при столкновении с Ли Хун Юанем ему не поможет, — мало того, человек лишался своей рациональности и превосходства — он постепенно успокоился.

— Если бы в твоей семье Сунь было еще несколько таких же людей, как ты, или, скорее, ты занимал позицию герцога Дина, то даже будь Ли Хун И полным идиотом, сражаясь с Ли Хун Мином, он, вероятно, не находился бы в невыгодном положении. Конечно, нынешний ты все равно ничего не сделаешь, тебе еще нужно потренироваться пару лет. Ли Хун И там, где он сейчас есть, не без вклада императрицы. У этой женщины первоклассные средства, находчивость и терпение. Однако довольно фатальный ее недостаток — слишком великие амбиции. Она — женщина, которая хочет сама управлять миром через марионетку-сына [1]. Конец для таких людей, как она, обычно никогда не бывает слишком хорошим, — Ли Хун Юань все еще смотрел на Цзин Вань, думая о Цзин Вань, и все же был способен делать две вещи одновременно, так как говорил небрежно.

Даже вновь обретший самообладание Сунь И Линь снова вздрогнул. Однако он ни разу не опроверг его слова.

Даже если он ее племянник из девичьей семьи, он все равно оставался посторонним [2]. В течение всего года он не мог даже видеть свою тетю-императрицу больше одного раза. Ему было трудно сказать, что именно представляла собой императрица. Однако, если то, что сказал Цзинь циньван, правда, то весь их клан Сунь в большой опасности. Это верно, не только резиденция герцога Дин. Как только его величество узнает об этом, даже если это потрясет

основы страны, даже если это заставит его оставить после себя славу тирана, он все равно омоет весь клан Сунь кровью без колебаний.

— Императрица — умная женщина, поэтому, естественно, никому не позволит легко обнаружить ее амбиции. Из всех людей рядом с ней, вероятно, только Ли Хун И немного осознает это. Но Ли Хун И нуждается в ней, поэтому, разумеется, не станет делать ничего, что ей невыгодно. И именно поэтому она не полностью сдерживает себя перед Ли Хун И.

Сунь И Линь очень хотел сказать: "Так вы знаете!" Более того, он все же мог узнать даже такие страшные секреты, он исключительно искусен в заговорах, настоящий эксперт!

— Что ваше высочество хочет от этого скромного чиновника?

— Почему ты считаешь, что Сунь И Цзя очень несчастна? Возможно, она сама чувствует, что сейчас все очень хорошо.

Поскольку Ли Хун Юань всегда переходил границы, Сунь И Линь уже не рассчитывал на приятный разговор. Однако его слова все еще заставляли Сунь И Линя задуматься. Эта его младшая сестра, с тех пор как испортила внешность, немного изменила свой характер. Но, тщательно обдумав это, она не стала мрачной, а наоборот, более энергичной. Иногда можно даже сказать, что она в приподнятом настроении. Что-то, чего даже он, старший брат, не замечал, увидел посторонний!

— Ваше высочество прекрасно понимает мою младшую сестру. Если бы кто-то не знал ситуации, можно было бы подумать, что вы очень долго восхищались ей, а потом, когда ее красота испортилась, она перестала радовать ваши глаза, — в насмешках в его словах недостатка не было.

— Действительно, только лицо Сунь И Цзя можно было считать приятным для глаз.

Сунь И Линь поперхнулся практически полным ртом крови, которую нельзя было выплюнуть, а можно только проглотить. На самом деле не следует называть его кем-то вроде живого Янь-вана, он должен быть суперраспространителем злобы, ядовитым ртом, озлобленным существом с коварными средствами...

Какая жалость, что у него такое лицо!

Возможно, из-за того, что он был не в себе из-за шока, который Ли Хун Юань преподнес ему, Сунь И Линь, наконец, заметил, что венценосный гость, казалось, все это время смотрел в сторону его младшей сестры и барышни Ло. Он был уверен, что императорский сын определенно не за его младшей сестрой наблюдает. Бессознательно внутри у него зазвенели тревожные колокола.

— На что смотрит ваше высочество? Кажется, вы сильно увлеклись!

— Естественно, на самый красивый вид мира.

На этот раз Сунь И Линь получил ответ сразу же, как только спросил, но он не был ни капельки счастлив. Он не верил, что Цзинь циньван мог назвать этот его двор самым красивым видом мира. И двух молодых барышень он устранил из своих рассуждений. О его собственной младшей сестре, естественно, не нужно было говорить, а мыслей Ли Хун Юаня о Цзин Вань он не знал. Ведь даже если этот циньван видел ее только мельком, все равно было невозможно превратиться в самую красивую женщину мира. Тогда, возможно, он просто случайно смотрел в том направлении, и на самом деле думал о своих собственных делах?! Сунь И Линь, скорее, не верил, что он лжет. В этом не было необходимости, да оно того и не стоило.

Ли Хун Юань, не мог прямо обнять Цзин Вань, но считал, что даже просто смотреть на нее так, тоже неплохо. Этого было более чем достаточно, чтобы успокоить его сердце.

— Ваше высочество, прошу сообщить этому скромному чиновнику, чего именно вы хотите, чтобы я смог подготовиться.

Постоянно отвлекаемый от созерцания прекрасного пейзажа, Ли Хун Юань, естественно, был раздражен и, наконец, бросил взгляд на Сунь И Линя, скользнув по его шее:

— Ты действительно упрям. Радуйся, что этот принц сейчас в хорошем настроении. Иначе из-за твоей надоедливой болтовни я бы уже свернул тебе шею.

Это была не угроза, а простая констатация факта. Сунь И Линь инстинктивно напрягся.

По-видимому, достаточно приостановив аппетит Сунь И Линя, Ли Хун Юань великодушно открыл рот:

— Этот принц не нуждается в том, чтобы ты делал что-то конкретное, просто делай то, что считаешь нужным. Что же касается причины, по которой я дал тебе знать об этих вещах, то для тебя лучше знать, чем не знать. Если, понимая все это, ты случайно сделаешь что-то иррациональное, я, может, в момент гнева и заберу твою жизнь, но несмотря ни на что, ты все еще талантливый человек. Жаль, если ты потеряешь свою жизнь и уйдешь купаться к Желтым источникам [3], прежде чем сможешь помочь простым людям.

Один павлин-самец позволяет другому управлять своей силой и "красотой". Если не для того, чтобы найти себе пару, то для чего, разве это не очевидно?

Подошла служанка и почтительно поклонилась:

— Ваше высочество, гунцзы, пришел Кан циньван.

Ли Хун Юань взял вино со стола и залпом выпил его, а затем небрежно бросил чашу обратно:

— Этот Ли Хун И беспокоится, что я могу съесть тебя? Похоже, он, и правда, очень высоко тебя ценит, раз пришел так быстро. Ты признан императорским отцом, преисполнен таланта, а также главный министр, которого он бережет для себя на будущее. Оскверни тебя этот принц, он действительно будет страдать. Однако поскольку он осмелился пойти против этого принца, не знаю, готов ли он заплатить цену?

Пойти против вас? Ясно же, что это вы первыми подняли тревогу!

Зная, что Кан циньван придет, Сунь И Цзя, естественно, почувствовала облегчение. Хотя она считала, что если Цзинь циньван на самом деле захочет что-то сделать, даже Кан циньван не сможет его остановить. Но в настоящее время Цзинь циньван, по крайней мере, сдержится и не станет делать ничего чрезмерного. Поэтому она подхватила под ручку Цзин Вань с корзиной, полной цветов, и ушла.

Не в силах видеть свою жену, Ли Хун Юань неизбежно сожалеюще вздохнул внутри.

Когда фигура Кан циньвана только появилась в поле зрения, Ли Хун Юань внезапно ударил, одной рукой сняв корону Сунь И Линя, а другой распахнув его одежду…

Вероятно, потому, что никто не ожидал, что Ли Хун Юань вдруг сделает что-то подобное, рты ближайших слуг раскрылись от шока, и Сунь И Линь тоже на мгновение ошеломленно замер. Однако, увидев, как Ли Хун Юань небрежно отбрасывает его корону, едва заметно скользя пальцами по воротнику, а затем услышав яростный рев Кан циньвана — Ли Хун Юань! — Сунь И Линь мгновенно пришел в себя, наблюдая, как шестой принц спокойно убирает руки и садится обратно. Он снова выглядел безразлично и лениво, одной рукой опираясь на стол, а другой — время от времени слегка подбрасывая чашу, но глаза его были особенно холодны и мрачны, как будто он расстроился из-за того, что его прервали. На самом деле он действительно был расстроен, но по какой именно причине — вряд ли кому-то она была известна.

Можно сказать, что Сунь И Линь лично стал свидетелем переменчивого настроения этого человека, делавшего все, что ему заблагорассудится, а также озорства, которого жаждали сами его кости. Он с каменным бесстрастным лицом привел в порядок свою одежду, взглянул на разбитую корону на земле, встал, а затем, как только повернулся, столкнулся лицом к лицу с Кан циньваном.

Несмотря на встрепанный вид Сунь И Линя и его черные волосы, свободно рассыпавшиеся по плечам, его лицо было ледяным, а глаза безразличными. Как бы то ни было, он все еще был обычным нежным, как яшма, изящным, красивым отпрыском влиятельного семейства.

— Приветствую вас, Кан циньван, этот скромный чиновник плохо воспитан, прошу позволить мне удалиться, чтобы привести себя в порядок.

Что еще мог сказать Кан циньван? Он быстро махнул рукой, позволяя Сунь И Линю уйти. Как только тот вошел в дом, Кан циньван уже не мог больше сдерживать свой гнев:

— Ли Хун Юань, что именно ты хочешь сделать? Эти простолюдины не могут удовлетворить тебя, поэтому ты тянешь свои руки к И Линю? Ладно, ты предаешься удовольствиям и греху, не дорожишь своей репутацией, идя против добродетели и поступаешь, как тебе в голову взбрело. Но ты хочешь запятнать И Линя? Неужели думаешь, что, имея поддержку императорского отца, можешь делать все, что тебе заблагорассудится? Этот принц скажет тебе, что если ты посмеешь хоть пальцем тронуть И Линя, даже рискуя быть безжалостно наказанным императорским отцом, я все равно не стану спускать это дело на тормозах!

Голос Кан циньвана был таким громким, что даже люди за пределами этого двора прекрасно могли слышать его.

[1] Итак, я пошла и посмотрела на женщин, которые правили во времена империй через своих детей. По крайней мере, в известной нам истории, те, кто смог это осуществить, были очень успешны (ниже о Люй-хоу и Цыси, в качестве примеров).

Первой реальной правительницей Китая стала императрица Люй-хоу – жена основателя династии Хань Лю Бана (императора Гао-цзу, 202–195 гг. до н.э.). Она захватила власть после смерти мужа, и, не принимая императорского титула, первоначально правила "от имени" получившего престол наследника – ее сына Сяохуй-ди.

Он был возведен на престол именно усилиями императрицы Люй-хоу, поскольку основатель династии намеревался сделать наследником своего сына от любимой наложницы Ци (в процессе интриг она замучила и искалечила ее, а потом бросила в яму с нечистотами, заставив Сяохуй-ди на это смотреть - тот запил после и умер от алкоголизма), а это сделало практически неизбежным и ее собственный приход к реальной власти. Будучи женой Лю Бана еще до его воцарения, она активно помогала мужу в борьбе за престол и в деле собирания раздираемой междоусобицами страны под свою власть. Отсюда отнюдь не случайным выглядит замечание Сыма Цяня, что император Гао-ди и императрица Люй-хоу совместно утвердили Поднебесную". После же смерти Сяохуй-ди в 188 г. до н.э., реальная власть императрицы признавалась всеми вполне открыто.

В 184 г. императрица Люй-хоу решила избавиться от номинально правившего императора, посчитав его покорность сомнительной, поскольку кроме покойного Сяохуй-ди у нее не было сыновей, и упомянутый правитель не был связан с ней узами родства. Она, как повествует летопись, "низложила и убила его", возведя на престол следующую марионетку своего - внука Шао-ди Гуна, продолжая фактически править единолично:

"После кончины Сяохуй-ди императрица Гао-хоу стала управлять делами, но, будучи в преклонном возрасте, [всячески] потворствовала членам рода Люй, самолично низложила императора и поставила на его место другого. Кроме того, убила одного за другим трех ванов во [владении] Чжао. Она уничтожила владельцев [уделов] Лян, Чжао и Янь, чтобы поставить там у власти членов рода Люй, [а также] раздробила владение Ци на четыре части. Когда же верные слуги престола выступили с увещеваниями, императрица, разум которой

помутился, не слушала их".

В 180 году до нашей эры императрица Люй-хоу скончалась, после продолжительной болезни. С ее смертью, в империи снова набрала силу династия Лю, к которой принадлежал ее покойный муж.

Конец монархической формы правления в Китае также оказался сопряжен с нахождением женщины у кормила правления. После смерти в ноябре 1861 г. императора Вэнь-цзуна, правившего под девизом Сянь-фэн (1851–1861), его наложница и мать наследника престола Цыси (Ехенара – маньчжурка по происхождению, 1834–1908) вместе с императрицей Сяо Чжэнь совершили государственный переворот. Они арестовали членов существовавшего тогда при императоре Регентского совета, казнили его главу Су Шуня и образовали совместное регентство, получившее название "заслушивание докладов о государственных делах из-за опущенных занавесок". Такая "отгороженность" объясняется тем, что смотреть на жен императора никому не полагалось. Соответственно избранный для нового императора девиз правления (Тунчжи) означал в переводе "Совместное правление". Но императрица Сяо Чжэнь предпочитала не заниматься государственными делами, полностью передоверив их Цыси. "Совместность" ее правления с сыном-императором тоже была лишь формальным прикрытием ее власти. Правда, на первых порах она передала часть властных полномочий князю (вану) Гуну, получившему титул "Князя-советника по государственным делам", но в 1865 г. отстранила его и стала решать все дела единолично, с участием ограниченного круга чиновников, которым она доверяла.

После смерти императора в 1874 г. Цыси возвела на престол своего племянника, правившего под девизом Гуан-сюй (1875–1908). Ему к тому времени было всего три года, поэтому ее регентство осталось неизменным. В 1886 г., когда император повзрослел, она объявила, что передает ему власть. Но "по просьбе сановников" и "прислушиваясь к мнению народа, "согласилась» оставить за собой политическую опеку".

Почти пятидесятилетнее правление императрицы Цыси и ее выдвиженцев и приспешников обычно расценивается как однозначно реакционное, а сама она характеризуется как властолюбивая и жестокая интриганка.

Чувствуя приближение смерти, Цыси в 1908 г. отравила императора и в том же году скончалась. На престоле оказался младенец-правнук императора, правившего страной в 1820–1850 гг. – Пу И (1906–1967). Регентство захватила жена отравленного монарха – императрица Лунюй-тайхоу (1868–1913). Она продолжила курс "новой политики", но в то же время допустила увеличение налогового бремени, что вызвало крестьянские бунты; игнорируя протесты, передала железные дороги иностранным компаниям; выдвигала на министерские посты своих маньчжурских родственников, затирая китайцев; затягивала назревшее к тому времени принятие конституции; прибегала к военным методам подавления сопротивления. Все это вызывало недовольство как в правящих кругах, так и в широких слоях населения. В результате в октябре 1911 г. в стране вспыхнула революция, и в феврале 1912 г. китайская монархия пала.

[2] Посторонний — например, он не считается частью императорской семьи

[3] Желтые источники ("обитель мрака") — ад китайской мифологии

Подробнее читайте в главе Исторические заметки: культура и искусство

http://tl.rulate.ru/book/19909/938911